

Чудесный глобус Маленькой Люси

Шарлотта М. Йонг

Little Lucy's Wonderful Globe

Charlotte M. Yonge

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Чудесном глобусе маленькой Люси

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Чудесный глобус Маленькой Люси

Автор: Шарлотта М. Йонг

Дата выхода: 1 октября 2003 г. [Электронная книга №4538]

Последнее обновление: 28 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер - Дуг Леви.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЧУДЕСНЫЙ ГЛОБУС МАЛЕНЬКОЙ ЛЮСИ" ***

ЧУДЕСНЫЙ ГЛОБУС МАЛЕНЬКОЙ ЛЮСИ

Шарлотта М. Йонг

"Юные пальчики лениво перекатываются
Имитация земли или следа
На картине ярко-синего и золотого
Преследующие друг друга круги" —КЕБЛ

Содержание.

Глава I. Материнский букет.

Глава II. Гости из Южных морей.

Глава III. Италия.

Глава IV. Гренландия.

Глава V. Тироль.

Глава VI. Африка.

Глава VII. Лапландцы.

Глава VIII. Китай.

Глава IX. Kamschatka.

Глава X. Турок.

Глава XI. Швейцария.

Глава XII. Казак.

Глава XIII. Испания.

Глава XIV. Германия.

Глава XV. Париж в осаде.

Глава XVI. Американский гость.

Глава XVII. Мечта всех наций.

ЧУДЕСНЫЙ ГЛОБУС МАЛЕНЬКОЙ ЛЮСИ

ГЛАВА I.

МАТЕРИНСКИЙ БУКЕТ.

Когда-то в жизни маленькой Люси были чудесные две недели. Однажды вечером она легла спать очень усталой, сердитой и разгоряченной, а утром, когда она посмотрела на свои руки и ноги, они все были покрыты красными пятнами, довольно приятными на вид, только они были сухими и колючими.

Медсестра испугалась, когда посмотрела на них. Она выгнала всех младших сестер из детской, поплотнее укрыла Люси и приказала ей не шевелиться и уж тем более не заходить в ванну. Затем послышался шепот и беготня, и Люси была наполовину встревожена, но еще больше обрадовалась тому, что стала такой важной персоной, потому что она совсем не чувствовала себя больной и вполне наслаждалась чаем и тостами, которые принесла ей медсестра. Как раз в тот момент, когда она начала думать, что лежать там без дела довольно утомительно, кроме как наблюдать за жужжащими мухами, на лестнице послышались шаги, и наверх поднялся доктор. Он был старым другом, очень добродушным, и они с Люси подшучивали над тем, что она превратилась в пятнистого леопарда, точь-в-точь как раковина каури на каминной полке миссис Банкер. Действительно, он сказал, что, по его мнению, она была такой диковинкой, что

миссис Банкер приедет за ней и выставит в музей, а потом он ушел. Предположим, о, предположим, что она это сделала!

Миссис Банкер, или матушка Банч, как называли ее Люси и ее братья и сестры, была экономкой у их дяди Джозефа. На самом деле он был их двоюродным дедушкой, и они считали его любого возраста, какой только можно себе представить. Они бы не сильно удивились, узнав, что он плавал с Христофором Колумбом, хотя он был сильным, крепким, активным человеком, гораздо менее легко устававшим, чем их собственный папа. В молодости он был корабельным врачом, объездил весь мир и собирал всевозможные любопытные вещи, кроме того, он был очень мудрым и образованным человеком и сделал какое-то великое открытие. Это была *не* Америка. Люси знала, что ее пожилой брат понимает, что это такое, но ей не стоило забивать себе этим голову, просто каким-то образом это делало плавание кораблей более безопасным, и поэтому в качестве награды ему назначили пенсию. Он вернулся домой и купил дом примерно в миле от города, и построил высокую комнату, из которой можно было смотреть на звезды в телескоп и проводить в ней свои эксперименты, и еще одну длинную комнату для своего музея; но, в конце концов, он там бывал нечасто, потому что всякий раз, когда можно было увидеть что-нибудь удивительное, он всегда уходил посмотреть на это, и всякий раз, когда происходило собрание ученых людей — правильное слово "научные люди" — они всегда хотели, чтобы он помогал им произносить речи и показывать чудеса. Сейчас его не было. Он ушел, чтобы носить красный крест на руке и помогать ухаживать за ранеными в печальной войне между французами и немцами.

Но он оставил матушку Банч позади. Никто точно не знал, какой национальности была миссис Банкер; да и вообще, вряд ли можно было сказать, что у нее она была, потому что она родилась в море и была женой моряка; но была ли она в основном англичанкой, голландкой или испанкой, никто не знал, и никому не было дела. Ее муж пропал в море, и дядя Джозеф взял ее присматривать за своим домом и всегда говорил, что она единственная женщина, у которой хватило ума и осмотрительности войти в его лабораторию или вытереть пыль в его музей.

Она была очень доброй и добродушной, и ничто так не нравилось детям, как прогулка к дяде Джозефу и, после игры в саду, чаепитие с ней. А сколько сахара было в ее комнате! такие необычные пирожные, приготовленные по моде разных стран! такие забавные варенья со всех концов света! И что еще более восхитительно, такие шкафы и выдвижные ящики, полные чудесных вещей, и такие истории о них! Младшим больше нравилась комната миссис Банкер, чем музей дяди Джозефа, где было несколько больших чучел зверей с горящими глазами, которые их пугали; и им приходилось ходить, заложив руки за спину, чтобы ни к чему не прикасаться, иначе дядин голос обязательно хрипло крикнет: "Лапы прочь!"

Миссис Банкер ни капельки не походила на умных домоправительниц в других домах. Конечно, по воскресеньям она выходила в черном шелковом платье с небольшим воланом внизу, в алой креповой шали с синим драконом — его крылья за спиной и по когтю на каждом плече, так что что любой, кто сидел позади нее в церкви, ужасно отвлекался, пытаясь разглядеть его целиком, — и в очень большой желтой тосканской шляпке, отделанной синей матросской лентой.

Но в течение недели и по дому она носила зеленое платье, а поверх него коричневый голландский фартук и нагрудник, совершенно прямые до самого низа, потому что у нее не было особенной талии, а волосы, которые были забавного льняно-серого цвета, она собирала в пучок и завязывала вокруг, без какого-либо чепца или чего-либо еще на голове. Один из маленьких

мальчиков однажды назвал ее маму Банч из-за ее историй; и это имя так ей подходило, что вся семья и даже дядя Джозеф переняли его.

Люси очень любила ее; но когда примерно через час после визита доктора она проснулась от шороха и грохота на лестнице, а вскоре дверь открылась, и в комнату вошла вторая лучшая большая шляпка — та, что продается на рынке, с перевязанными лентами, - под ней было лицо матушки Банч, и добродушный голос сказал ей, что ее отнесут к дяде Джозефу и она будет есть апельсины и тамаринды, она действительно начала чувствовать себя пятнистой раковиной каури, думая о том, что ее повесят на камин, чтобы она могла есть. заплачь и скажи, что она хотела к маме.

Няня и матушка Банч принялись утешать ее и объяснять, что доктор думал, что у нее скарлатина; совсем не страшно; но что, если кто-нибудь из других заразится, никто не сможет предположить, насколько им будет плохо; особенно мама, которая только что заболела; и поэтому ее нужно завернуть в одеяла, посадить в коляску и отвезти к ее дяде; и там она останется, пока не только не поправится, но и не сможет благополучно вернуться домой, не разнеся с собой инфекцию.

Люси была хорошей маленькой девочкой и знала, что должна это вынести; поэтому, хотя она не могла удержаться от слез, когда обнаружила, что ей никого нельзя целовать, более того, даже видеть их, и что никто не может пойти с ней, кроме Лоникеры, ее собственной фарфоровой куклы, она храбро приняла решение; и она очень обрадовалась, когда Мод, ее старшая сестра, прислала ей Клэр, самую большую и лучшую из всех кукол, вместе со всеми ее нарядами, в качестве ее компаньонки — это была такая честь и так любезно с ее стороны. Мод, что это очень согрело ее маленькое печальное сердечко.

Итак, Люси надела свой маленький алый фланелевый халатик, башмачки, чулки и чудесный старый вязаный капор с палантином, а потом ее стали катать по кругу во всем ее постельном белье, и миссис Банкер взяла ее на руки, как очень большого ребенка, не позволяя никому другому прикоснуться к ней. Как миссис Банкер благополучно спустилась по лестнице, никто не может сказать, но она спустилась и села в карету, и там бедняжка Люси оглянулась и увидела в окнах лица мамы, и папы, и Мод, и всех остальных, все кивали и улыбались ей, но Мод все время плакала, и, возможно, мама тоже.

Путешествие показалось очень долгим, и Люси по-настоящему устала, когда ее наконец уложили в большую кровать, хорошо согретую для нее, а в комнате горел яркий камин. Как только она выпила немного мясного чая, она крепко уснула и проснулась только для того, чтобы выпить чаю, накормить кукол ужином и уложить их спать.

На следующий вечер она сидела у камина, а на четвертый день носилась по дому, как ни в чем не бывало, но домой ей предстояло вернуться только через две недели; а в сырую, холодную и пасмурную погоду развлечься было не всегда просто. Конечно, у нее были свои куклы и собачка Дон, с которыми она могла играть, и иногда мистер Банкер позволял ей лепить забавные штуки из теста, или колоть изюм, или даже помогать готовить пудинг; но все равно у нее оставалось много свободного времени. У нее было с собой всего две книги, и из-за сыпи у нее ослабело зрение, так что она не очень любила их читать. Ей было вполне достаточно записок, которые все писали дома. Больше всего ей нравилось — то есть когда миссис Банкер не могла присмотреть за ней, — бродить по музею, объясняя куклам суть вещей: "Это крокодил Лоницера; он поедает

людей, и у него есть маленькая птичка, чтобы ковырять в зубах. Смотри, Клэр, эта костлявая штука — скелет... скелет ящерицы. Убери лапы, моя дорогая, не прикасайся. Это янтарь, совсем как ячменный сахар, только не такой приятный; люди делают из него ожерелья. Внутри бедная маленькая дохлая муха. Это милые, восхитительные колибри; посмотри на их гребни, совсем как мамины драгоценности. Посмотри на раковины, разве они не прелесть? Люди достают жемчужины из этих больших плоских жемчужин и ныряют за ними на дно моря; не трогай, моя дорогая, только смотри; убери лапы.

Можно было бы подумать, что изогнутые пальцы Лоникуеры, все в одном флаконе, и синие кожаные ручки Клэр были очень подвижными и озорными, судя по тому, сколько раз поступало это предупреждение; но, конечно, больше всего этого хотела сама Люси, потому что ее собственные маленькие пухлые ручки с мизинцами буквально покалывало, когда она брала в руки и поворачивала эти прелестные ракушки. Она хотела знать, похож ли янтарь на вкус на ячменный сахар, как он выглядит; и там была маленькая кабарга, не крупнее Дона, которую ей очень хотелось погладить, а еще лучше позволить Лоникере покататься верхом; но она была хорошей маленькой девочкой и обладала настоящим чувством чести, которое никогда не предает доверие; поэтому она и пальцем не тронула ничего, кроме того, что дядя Джо однажды разрешил им перенести.

Это была пара очень больших глобусов — больше, чем обычно носят сейчас, и с большим количеством рамок вокруг них — один большой плоский, с нарисованными на нем странными названиями, а другой латунный, почти вертикальный, проходящий половину круга сверху донизу, и с глобусом, подвешенным к нему на двух булавах, которые старшие сестры Люси называли шестами, или концами оси. Огромные круглые шарики очень легко поддавались легкому касанию, и было что-то очень очаровательное в том, что они взбивались, взбивались, взбивались; то быстрее, то медленнее, то вращались так быстро, что на них ничего не было видно, то медленно и постепенно переворачивались и показывали все, что на них было.

Сначала Люси было достаточно просто покрутить их, но вскоре ей понравилось разглядывать то, что на них было. Одно показалось ей более интересным, чем другое. Он был покрыт чудесными существами: один медведь был привязан своим длинным хвостом к шесту; другой, побольше, бегал вокруг; змея извивалась повсюду; дама безутешно стояла, прислонившись к скале; другой сидел в кресле; великан развалился с дубинкой в одной руке и львиной шкурой в другой; большая собака и маленькая собачка стояли на задних лапах; лев, казалось, вот-вот прыгнет на голову юной девушки; и все были покрыты густыми пятнами, как будто у них сыпь Люси, с большими и маленькими звездочками; и все же... что еще более странно, ее братья утверждали, что это звезды на небе, и именно так люди находят свою дорогу в море; но если Люси спрашивала, как, они всегда отвечали, что она недостаточно большая, чтобы понять, и Люси пришлось в голову спросить, не правда ли, что они недостаточно большие, чтобы объяснить.

Другой глобус был весь бледно-зеленый, с розовыми и желтыми контурами и множеством названий. Люси пришлось выучить некоторые из этих названий для своей географии, и она предпочитала не обращать внимания на них поначалу, пока ей действительно не надоели все эти странные мужчины, женщины и существа на небесной сфере; но мало-помалу она начала называть другие имена для разнообразия.

ГЛАВА II.

ГОСТИ ИЗ ЮЖНЫХ МОРЕЙ.

- Мисс Люси, вы тихая, как мышка. Ни в чем не виновата? - а что вы там делаете? - спросила миссис Банкер, заглядывая в музей.

- Я смотрю на огромный глобус, который дядя Джо разрешил мне потрогать, - сказала Люси. "Здесь все названия, точь-в-точь как в моем домашнем учебнике: Европа, Африка и Америка".

- Да благослови господь это дитя! где же им еще быть? Есть еще много океанов и морей, кроме тех, которые я пересекал, и не раз, с бедным Беном Банкером, которого в последний раз видели у мыса Гаттерас.

"Что, все эти великолепные зеленые места с Атлантическим и Тихим океанами на них? Вы же не хотите сказать, что на самом деле проплыли над ними! Я бы хотел заставить муравья сделать это на семечке подсолнуха! Как ты могла, матушка Банч? Ты недостаточно маленькая.

- Хо! хо! - сказала экономка, смеясь. - неужели ребенок думает, что я плавала на том самом глобусе?

- Я знаю, что кто-то запоминает имена, - сказала Люси, - но реально ли это?

- Настоящий! Мисси, неужели ты не видишь, что это что-то вроде картинки? Теперь вот ваша фотография, она не такая большая, как вы, но на ней изображены вы; итак, схема, или карта, или глобус - это просто изображение очертаний береговой линии суши и моря, рек на них, гор и тому подобного. Посмотри сюда!" И она заставила Люси встать на стул и посмотреть на карту ее родного города, которая висела на стене, показывая ей все главные здания, церкви, улицы, ратушу и, наконец, помогая ей найти дом ее собственного отца.

Когда Люси проследила все углы, за которые ей приходилось сворачивать, когда она шла от дома к дому дяди Джо, и даже нашла небольшие изгибы для пяти кленов перед домом священника, она поняла, что карта представляла собой небольшую картинку расположения зданий в городе, и подумала, что сможет найти дорогу в какое-нибудь новое место, если хорошенько ее изучит.

Затем миссис Банкер показала ей большую карту всей страны, и на ней Люси нашла реку, дороги и названия близлежащих деревень такими, какими она их видела или слышала о них; и она начала понимать, что карта или глобус на самом деле изображают отдаленные места на чрезвычайно маленькой картинке, и что там, где она видела название и место, она должна была

думать о домах и церквях; что разветвляющаяся черная линия - это текущая река, полная воды; изгиб, красивая бухта, окруженная скалами и холмами; выступающая точка, обычно крутая скала с обрывом. на нем маяк.

- И все эти места - страны, Банчи, не так ли, с полями и домами, похожими на наши?

- Дома - да, и поля, но не всегда такие, как у нас, мисс Люси.

- И во всех них есть маленькие дети, мальчики и девочки?

"Конечно, есть, иначе как бы мир жил дальше? Я видел, как они стоями, белые, коричневые или черные, устремлялись к берегу, как только судно бросало якорь; и какого бы цвета они ни были, вы можете быть уверены в двух вещах, мисс Люси, в которых все они были похожи.

- О, что именно, миссис Банкер?

- Ну, в том, что они производили много шума и хотели съесть как можно больше. Но некоторые из них были маленькими прелестницами, если бы я только мог добраться до них, чтобы сделать их немного чище. Некоторые из них выглядели на весь мир как маленькие бронзовые статуэтки, которые есть в музее у твоего дяди и которые он привез из Италии, и на них тоже не было больше ни лоскутка одежды. Они были в Индии. Боже мой, боже мой, видеть бы, как они кувыркаются в прибое!"

- О, как весело! как весело! Жаль, что я не могу их увидеть.

- Я могу сказать тебе, Мисси, что ты была бы очень рада, если бы провела три или четыре месяца на борту судна, где у тебя не было ничего, кроме сухого печенья и соленой рухляди, да, может быть, была бы банка овощных консервов просто для поддержания здоровья, увидеть, как чернокожие парни, ухмыляясь, подплывают к борту со своими лодками и каноэ, полными апельсинов, лаймов, винограда и кокосовых орехов. Разве у тебя при виде них не текут слюнки?"

- Пожалуйста, присядьте, здесь отличная компания матерей, и расскажите мне о них все. Подойдите, пожалуйста.

- Предположим, я так и сделаю, мисс Люси, но где же тогда был бы консервированный имбирь вашего бедного дяди, который никто не отличит от настоящего вест-индского имбиря?

"О, позволь мне зайти в твою комнату, и ты сможешь рассказывать мне все время, пока готовишь имбирь.

- Там очень жарко, Мисси.

- Это будет больше похоже на некоторые другие места. Полагаю, я там! Смотрите, миссис Банкер! здесь целое зеленое море, повсюду мельчайшие точки".

"Точки? Вы вряд ли увидели бы все эти точки, если бы были в одной из них. Это Южное море, мисс Люси, и это самые красивые острова, за исключением, может быть, Вест-Индии, которые я когда-либо видел.

- Расскажи мне о них, пожалуйста, - взмолилась Люси. "Вот одна; ее зовут... Изабель... такая маленькая".

- Я не могу много рассказать тебе об этих островах Южного моря, Мисси, поскольку я совершил среди них только одно плавание, когда Банкер зафрахтовал "Пингвин" для торговли сандаловым деревом; и мы почти ничего не трогали, потому что туземцы были свирепыми и безжалостными и не задумывались о том, чтобы наброситься со стрелами и копьями на команду лодки. Поэтому мы посещали только те острова, на которых побывали миссионеры, и сделали людей более мягкими и цивилизованными".

- Расскажи мне все об этом, - попросила Люси, следуя за старухой туда-сюда, пока та суежилась, все время болтая и помешивая имбирь на горячей плите.

Как это произошло, сказать нелегко. В комнате было очень тепло, и матушка Банч продолжала что-то говорить, помешивая, и от нее поднимался пар, и мало-помалу Люси показалось, что у нее сильный приступ чихания; а когда она снова взглядела в дым, то увидела не что иное, как две маленькие черные фигурки, лица, головы и ступни которых были полностью черными, но со странным белым одеянием вокруг талии, и несколькими прекрасными красными и зелеными перьями, торчащими из их мохнатых голов.

- Миссис Банкер, миссис Банкер! - закричала она. - что это? Кто эти уродливые фигуры?

- Уродина! - сказал первый; и хотя это, должно быть, был какой-то незнакомый язык, Люси показалось, что это английский. "Это так маленькая белая девочка разговаривает с мальчиком и девочкой, которые приехали из Изабель, чтобы повидаться с ней?"

- О, в самом деле! малышка Изабель, прошу у тебя прощения. Я не знал, что ты настоящий, и что ты можешь меня понять! Я так рад тебя видеть. Тише, Дон! не лай так!"

"Свинья, свинья, я никогда не слышал, чтобы свинья так пищала", - сказал черный незнакомец.

- Поросяенок! Это маленькая собачка. У вас в стране нет собак?

"Свиньи ходят на четырех ногах. Это, должно быть, свинья".

- Что, у тебя нет ничего, что ходило бы на четырех ногах, кроме свиньи! Тогда что ты ешь, кроме свиньи?

- Батат, какао—орехи, рыба - о, как вкусно, а поросенка положите в ямку среди горячих камней, разведите огонь, запекайте так вкусно!

- Выпейте немного моего чая и посмотрите, такой ли он вкусный, - предложила Люси. "Какое у тебя забавное платье, из чего оно сшито?"

- Ткань из Тапы, - сказала маленькая девочка. "Мы снимаем кору с дерева, а затем начинаем молотить, молотить, стучать, стучать, пока не снимется вся твердая плотная масса", - и Люси, присмотревшись, увидела, что на самом деле это волокнистое кружево, примерно такое же плотное, как сетка на чепцах медсестер.

- Это вся твоя одежда? - спросила она.

"Да, пока я не стану воином", - сказал мальчик. - "Тогда они будут делать татуировки на моем лбу, руках, груди и ногах".

"Татуировка? что это?"

"Сделайте маленькие дырочки и нанесите линии по всей коже острой скорлупой и вотрите сок, который превратит все это в синие и фиолетовые линии".

- Но разве это не ужасно больно? - спросила Люси.

- Больно! конечно, больно, но это покажет, какой я храбрый. Когда отец возвращается домой с войны, он красит себя в белый цвет".

-Белый?

"С известью, приготовленной из горящего коралла, и он прыгает, танцует и кричит. На днях я отправлюсь на войну".

- О нет, не надо! - воскликнула Люси. - Это ужасно.

Мальчик засмеялся, но маленькая девочка прошептала: "Так говорят хорошие белые люди. Когда-нибудь Лаво пойдет учиться и перестанет драться".

Лаво покачал головой. "Нет, еще нет; сначала я стану храбрым вождем и воином, принесу домой много голов врагов".

— Я... я думаю, приятно побыть в тишине, — сказала Люси. — И... и... не хотите ли поужинать?

- Ты запекал поросенка? - спросил Лаво.

— По-моему, это баранина, - сказала Люси, когда принесли блюдо, - Это овечье мясо.

Лаво и его сестра понятия не имели, что такое овцы. Они хотели сесть на пол, скрестив ноги, но Люси заставила каждого из них сесть на стул должным образом; но затем они шокировали ее, взяв бараньи отбивные и запихнув их в рот пальцами.

- Смотрите сюда! - и она показала ножи и вилки.

- О! - воскликнул Лаво. - Какими хорошими шипами можно ловить рыбу! а ножом—ножом - я буду убивать врагов! гораздо лучше, чем ракушечный нож.

"А я буду копать батат", - сказала сестра.

- О нет! - взмолилась Люси. - У нас есть лопаты, чтобы копать, у солдат есть мечи, чтобы сражаться, а эти - чтобы есть.

"Я могу есть гораздо лучше без этого", - сказал Лаво, но, чтобы угодить Люси, его сестра все же постаралась: сильно полоснула ножом и вонзила вилку прямо в кусок мяса. Потом она чуть не попала им себе в глаз, и Люси, которая знала, что смеяться неприлично, была близка к тому, чтобы задохнуться. И наконец, сказав, что нож и вилка "Очень хороши— просто великолепны, но не для еды", они воткнули их в огромные кольца из панциря черепахи, которые были у них в ушах и носах. Люси была расстроена из-за ножей и вилок дяди Джозефа, которые, как она знала, ей не следовало раздавать; но пока она оглядывалась, не вмешается ли миссис Банкер, Дон, казалось, решил, что это его дело, и начал рычать и бросаться на маленькие черные ножки.

"Дерево, дерево! - закричали изабелиты. - где дерево?" И пока они разговаривали, Лаво взобрался сбоку на дверь и сидел верхом на ней, ухмыляясь собаке; а его сестра, поставив ноги на замок, поднималась за ним.

"Дома на деревьях, - кричали они, - там мы в безопасности от наших врагов".

И Люси обнаружила, что перед ней, вместо ее собственной детской, возвышается огромное дерево на вершине холма. Между ветвями были сплетены корзины, чтобы сделать полы, и на них стояли хижины из бамбукового тростника; с них свисали лестницы, сделанные из крепких лиан, переплетенных вместе, а сверху и вокруг нее в ушах звенели крики какаду и попугаев и стрекот кузнечиков. Она ухватилась за лестницу из ползучих растений и начала подниматься, но вскоре у нее закружилась голова, она закружилась и позвала Лаво на помощь. Затем внезапно она обнаружила, что свернулась калачиком в большом кресле-улье миссис Банкер, и ей стало интересно, спала ли она.

ГЛАВА III.

ИТАЛИЯ.

-Если бы мне приснился еще один такой забавный сон! - воскликнула Люси. - Мама Банч, ты когда-нибудь была в Италии? - и она указала пальцем на длинную ногу, пинающую треуголку Сицилии.

- Да, Мисси, это так; выйди из этой холодной комнаты, и я тебе расскажу.

Вскоре Люси уже свернулась калачиком в своем кресле; но нет, это не так! Она была под голубым-преголубым небом, о каком никогда и не мечтала; на фоне него возвышались ясные, острые, пурпурные холмы. Там был маленький журчащий фонтан, бьющий из скалы, украшенный старой-престарой резьбой, ныне сломанной и испорченной, но затененной прекрасным девичьим папоротником и стелющимся вьюнком; а в нише над небольшой крышей стояла фигура Пресвятой Девы. Немного поодаль стоял длинный низкий дом, прислоненный к стенам и колоннам из богатого желтого камня другого старого-престарого здания, в тени огромного каштана. В нем был балкон, а фронтонная часть была открыта и полна больших желтых тыкв и виноградных гроздей, развешанных сушиться; а вокруг паслись несколько коз.

Затем раздался веселый голос, напевавший что-то о *вандемми*; и хотя Люси никогда не учила итальянский, ее чудесное знание сновидений убедило ее, что это означало сбор винограда. Вскоре появились юноша, игравший на скрипке, и маленькая девочка, поющая. И целая компания других детей, все нагруженные таким количеством винограда, сколько могли унести,

прыгали и пели вслед за ними; их черные волосы были распущены или иногда перевиты виноградными листьями; в больших черных глазах плясали веселые огоньки, а босые загорелые ножки сияли от ликования.

-Ах! Чекко, Чекко! - воскликнула маленькая девочка, перестав бить в бубен. - Вот незнакомец, у которого нет винограда; принеси его сюда!"

"Но, - сказала Люси, - разве это не виноград твоей мамы; ты можешь его раздать?"

- Ах, ах! это *вендемия*! все могут есть виноград, сколько захотят. Смотри, вот виноградник".

Люси увидела на склоне холма над коттеджем длинные жерди, похожие на те, на которых растет хмель, и свисающие гроздья. Мужчины в темных, потрепанных шляпах, ярких кушаках и подтяжках, в белых рубашках с рукавами и женщины в носовых платках, сложенных квадратом на голове, срезали виноград и складывали его в корзины; низкая повозка, запряженная двумя волами мышиного цвета, с огромными широкими рогами и добрыми глазами, ждала, когда ее загрузят корзинами.

- К винному прессу! к прессу! - закричали дети, которые были сама вежливость и хотели показать ей все.

Винный пресс представлял собой большое мраморное корыто с трубами, ведущими к другим сосудам вокруг. В него падал виноград, а посреди него были мужчины, мальчики и маленькие дети, все с босыми ногами до колен, они танцевали и прыгали, подпрыгивая на виноградинах, в то время как красный сок покрывал их коричневую кожу.

- Входите, входите, вы не представляете, как это очаровательно! - воскликнул Чекко. "Это лучшее время в году, дорогой урожай; заходите и топчите виноград".

- Но ты должен снять туфли и чулки, - сказала его сестра Нунциата. - Мы надеваем их только по воскресеньям и праздникам.

Люси не была уверена, что у нее получится, но дети выглядели такими радостными, и это показалось ей таким забавным, что она начала возиться с пуговицами на своих ботинках, и пока она это делала, открыла глаза и обнаружила, что ее прекрасная виноградная гроздь была всего лишь подушкой в нижней части кресла мамы Банч.

ГЛАВА IV.

ГРЕНЛАНДИЯ.

"А теперь предположим, что я попробовал, на что похожи очень холодные страны!"

И Люси склонилась над глобусом так, что готова была отрубить себе голову медным меридианом, глядя на длинный, зазубренный язык без особой вершины, свисающий с восточной стороны Америки. Возможно, это из-за того, что она так замерзла, но она оказалась посреди снега, снега, снега! Все было покрыто снегом, кроме моря, и оно было темно-зеленого цвета, и в нем плавали чудовищные белые предметы, увенчанные повсюду, как собор, и такие же большие, и с впадинами в них великолепного темно-синего и зеленого цветов, похожими на драгоценные камни; Люси знала, что это айсберги. Своего рода бахрома этих ледяных утесов окаймляла берег. И на одном из них стояло то, что она сначала приняла за маленького бурого медведя, потому что освещение было странным, солнце стояло так низко, а от снега исходило так много бликов, что это казалось неестественным. Однако, прежде чем она успела испугаться медведя, она увидела, что на самом деле это был маленький мальчик в капюшоне, пальто и гетрах из густого—прегустого меха, с копьем в руке, которым он время от времени бросался на рыбу, - большую треску, какую мама часто ела по пятницам.

В них вонзилось его копье, и бедная рыбка вынырнула наружу, нанизанная вместе с другими рыбками на веревочку, которую нес мальчик. Люси, как могла, подползла поближе к скользкому льду, и маленький эскимос уставился на нее с каким-то глупым удивлением.

- Вы так добываете рыбу? - спросила она.

"Да, и печати; их получает отец", - сказал он.

- О, а что это там плавает? - спросил я.

- Это белый медведь, - холодно сказал он. - Нам лучше вернуться домой.

Люси действительно так думала; только вот где был дом? — это ее озадачивало. Однако она трусила рядом со своим спутником и вскоре подошла к тому, что могло бы быть огромным снежным шаром, но в нем зияла дыра. Да, она была полый; и когда ее спутница направилась к отверстию, она увидела внутри еще несколько маленьких крепких фигурок, закутанных в меха. Затем она поняла, что это был дом, построенный из снежных глыб, расположенных так, чтобы придать им форму пчелиного улья, замороженных вместе, и с окошком из льда. Мысль о том, чтобы войти внутрь, заставила ее вздрогнуть, но она подумала, что белый медведь может прийти за ней, и вошла внутрь. Даже ее маленькой головке пришлось просунуться под низкий дверной проем, и вот, это было самое тесное, душное, если не самое жаркое место, в котором она когда-либо бывала! В хижине горело что-то вроде лампы, то есть фитиль плавал в масле, но не было стекла, которое Люси была склонна считать главной частью лампы, и вокруг него на шкурах сидели на корточках эти странные маленькие коренастые фигурки, одетые так похоже, что невозможно было отличить мужчин от женщин, за исключением того, что у женщин были сапоги гораздо большего размера, и они использовали их вместо карманов, а своих младенцев они носили в кожаных мешочках на спине.

Они оказались добрыми людьми, потому что освободили место возле своей лампы для маленькой девочки и спросили ее, где она потерпела крушение. Затем одна из женщин отрезала большой кусок чего—то сырого - может, это был морж с такой круглой головой и большими бивнями?— и протянула его ей; и когда Люси покачала головой и сказала "Нет, спасибо" так вежливо, как только могла, женщина разорвала его пополам и через плечо протянула кусочек своему малышу, который начал его грызть. Тогда ее первый друг, маленький мальчик, надеясь еще больше угодить ей, предложил ей выпить. Ах! это было масло, совсем как то, что горело в лампе! — Ужасное масло из китов! Она невольно покачала головой, да так сильно, что сама себя разбудила!

ГЛАВА V.

ТИРОЛЬ.

- А если бы я мог посмотреть, откуда взялся этот милый маленький рог черной замши! Но, боюсь, матушка Банч не может рассказать мне об этом, потому что она всегда ездила морем, а здесь, в Тироле, поблизости нет ни клочка моря. Это всего лишь одна из ниточек в огромном горном узле, который связывает Европу посередине. О! на что похожа гора?"

Затем внезапно до ушей Люси донесся громкий звук, похожий на звук трубы; другой отозвался ему дальше, еще один, еще тише, и когда она начала подниматься, то обнаружила, что стоит на небольшой полке зеленой травы с крутыми склонами из камней вверх, вниз и вокруг нее; и со всех сторон поднимались огромные, высокие холмы, их гладкие склоны были зелеными и поросшими травой, но в крутых местах сплошь ужасные утесы и пропасти; и когда они были видны издалека, они выглядели красивого пурпурного цвета, как грозовая туча.

Рядом с Люси росли голубые горечавки, похожие на те, что росли в мамином саду, и альпийские розы, и черные орхидеи; но она не знала, как спуститься, и немного испугалась, когда звонкий тоненький голосок произнес: "Маленькая леди, вы заблудились? Подожди, пока закончится вечерний гимн, и я приду и помогу тебе"; а потом Люси стояла и слушала, в то время как со всех вершин, с которых трубили в рога, доносились сильные, сладостные звуки вечернего гимна, сливаясь воедино, в то время как вдали раздавалось отдаленное эхо других. Когда все закончилось, с каждой точки раздалось по крику "Джодель", а затем все стихло, если не считать позвякивания коровьего колокольчика. "Вот так мы желаем друг другу спокойной ночи", - сказала маленькая девочка, когда тени поднялись высоко на вершины гор, оставив от них только вершины, залитые розовым светом. - А теперь пойдем в шале, и сестра Роза даст тебе молока.

- Помоги мне. Я боюсь, - взмолилась Люси.

"Это ничего, - сказала горная девушка, подсакивая к ней, как ребенок, несмотря на свои огромные тяжелые ботинки. - Ты бы видела места, по которым забираются отец и Сеппель, когда охотятся на серн".

- Как тебя зовут? - спросила Люси, которой очень понравился вид ее маленькой спутницы в широкополой соломенной шляпе с букетом альпийских роз, в платье в тонкую полоску, в белом обтяжке и рукавах, перевязанных черной лентой; у нее было такое приятное, свежее, открытое лицо, с такими румяными щеками и добрыми голубыми глазами, что Люси почувствовала себя как дома.

"Я маленькая Кэтерл. Я впервые приезжаю с Розой в шале, но теперь я достаточно большая, чтобы доить коров. Видишь Дейзи, черную с белым хохолком? Она наша главная корова, и она это знает, моя дорогая. Она никогда не позволяет другим забираться в опасные места; она ведет их домой по звуку рога; и когда мы вернемся в деревню, она поведет стадо с цветком на кончике каждого рога и венком на шее. Мужчины придут за нами, Сеппель и все остальные; и, может быть, Сеппель принесет призовую медаль за стрельбу из винтовки".

- Но что ты здесь делаешь? - спросил я.

"Мы, девочки, летом ездим с коровами на пастбища, трава в горах такая сочная и вкусная, и мы делаем масло и сыр. Подожди, и ты попробуешь. Садись на камень.

Люси была рада услышать это обещание, потому что от свежего горного воздуха она проголодалась. Кэтерл вприпрыжку побежала к дому с выступающим деревянным балконом и глубокими карнизами, украшенными красивой резьбой, и вернулась с ломтиком хлеба, вкусным маслом и хорошим куском сыра, все на деревянном блюде, и маленькой миской парного молока. Люси подумала, что никогда не пробовала ничего более вкусного.

- А теперь милостивая маленькая леди немного отдохнет, - сказала Кэтерл, - пока я пойду и помогу Розе процедить молоко.

Итак, Люси ждала, но она так устала от своей караванья, что невольно задремала, хотя ей бы очень хотелось подольше побыть с милым маленьким тирольцем. Но к этому времени мы уже знаем, где она всегда оказывалась, когда просыпалась.

ГЛАВА VI.

Африка.

О! о! вот маленький сушеный крокодильчик оживает и разевает на нее ужасную огромную пасть, усеянную ужасными зубами.

Нет, он больше не в музее; он в широкой реке, желтой, тяжелой, заросшей илом; границы заросли огромным тростником; через них не пройти; от него не оторваться; вот он идет; ужасный, ужасный зверь! О, как Люси могла быть настолько глупа, чтобы захотеть путешествовать по Африке до верховьев Нила? Как она сможет когда-нибудь вернуться обратно? Он сожрет ее, ее и Клэр, которая была ей доверена, и что будут делать мама и сестра?

Слушайте! Раздается крик, оглушительный крик, и оттуда выскакивает маленькая черная фигурка с толстой дубинкой в руке. Он с грохотом опускается на голову хозяина-крокодила. Уродливое животное переворачивается на спину и умирает. Затем у Люси появляется время взглянуть на маленького негра, а у него появляется время посмотреть на нее. Какая у него забавная фигурка, с его лохматой головой и толстыми губами, белки его глаз и зубы так ярко блестят, а его жирное маленькое черное личико сияет со всех сторон, как и должно быть, потому что он натерт с головы до ног касторовым маслом. Там он растет на кусте с широкими, красивыми, загнутыми листьями, красными стеблями и красивыми серыми и черными орешками. Люси только хотела бы, чтобы негры сохранили все это, чтобы отполировать сами, и ничего не отправляли домой.

Она хочет как-нибудь вознаградить маленького черного человечка за спасение ее от крокодила, и, к счастью, на Клэр длинное ожерелье из синих стеклянных бусин. Она кладет его ему в руку, и он обматывает им свою черную шерсть и от радости нарезает такие танцы и каперсы, что Люси едва может удержаться от смеха; но солнце светит на нее нестерпимо жарко, и она забирается в тень высокой финиковой пальмы с большими листьями, распускающимися на верхушке, и прекрасными гроздьями фиников внизу, совсем свежих и зеленых, не таких, какими папа иногда угощает ее на десерт.

Маленький негр-итенок Тодзио спрашивает, не хочет ли она чего-нибудь. Он берет ее за руку и ведет к целому скоплению маленьких круглых глинобитных хижин, говоря ей, что он - Тодзе, сын короля; она - его младшая сестра, а все они - его матери! Кто его настоящая мать, Люси не может толком разглядеть, потому что видит огромную группу чернокожих женщин, все блестящие и лощеные, с огромным количеством бус, намотанных на головы, шеи, лодыжки и запястья; и ничего, кроме мельчайших коротких нижних юбочек; и все самые толстые - самые нарядные; более того, у них рядом стоят фляги с молоком, и они пьют его весь день, чтобы не растолстеть. Однако как только Люси входит в их число, все они смыкаются вокруг, одни поют и танцуют, а другие смеются от радости и кричат: "Добро пожаловать, маленькая дочь из страны духов!" И тогда она узнает, что они думают, что на самом деле она младшая сестра Тодзио, которая умерла десять лун назад и снова восстала из могилы в виде белого духа.

Собственная мать Тодзио, действительно очень толстая женщина, протягивает к ней руки, огромные, как столбики кровати, и ужасно жирные, дает ей порцию кислого молока из тыквы, укладывает ее головой к себе на колени и начинает петь ей, пока Люси не засыпает; и

просыпается, очень радуясь, что крокодил такой же коричневый, твердый и неподвижный, как всегда; и эта странная круглая тыква с маленькой дырочкой висит под потолком.

ГЛАВА VII.

ЛАПЛАНДЦЫ.

— В следующий раз это будет не жаркая страна, - сказала Люси, - хотя, в конце концов, китовый жир был не намного хуже касторового. Мама Банч, твой китобой всегда ходил в Гренландию и никогда не бывал в более приятных местах?

- Ну, Мисси, однажды нас занесло между пронизывающими ветрами и айсбергами во фьорд возле Нордкапа, прямо в разгар лета, и я никогда не забуду, что мы там увидели.

Люси, вероятно, тоже этого не забудет, потому что обнаружила, что стоит у узкой бухты моря, такого же синего и гладкого, как озеро, и тесно окруженная им, за исключением тех мест, где голая скала была слишком крутой или где на более ровном выступе стоял деревянный дом, а вокруг него - фермерский двор и амбары. Но странным было то, что солнце находилось там, где она никогда его раньше не видела, — совсем на севере, из-за чего все тени ложились не в ту сторону. Но как получилось, что солнце вообще стало видно так поздно? Ах! теперь она знала: это Норвегия, и в это время года ночи вообще не бывает!

А рядом с ней стоял маленький человечек с луком и стрелами, каких она никогда раньше не видела, разве что в руках маленьких Купидончиков на картинах в гостиной. Матушка Банч говорила, что маленькие смуглые мальчики в Индии похожи на бронзового Купидона, который был на каминной полке, но этот маленький мальчик был белым, или, скорее, с желтоватым лицом, и к тому же хорошо одетым, в тесную круглую кожаную шапочку и темно-синюю мохнатую мантию с мохнатыми гетрами; и то, в кого он стрелял, было чем-то вроде дикой утки или гуся, который тяжело рухнул, попав стрелой прямо в шею.

"Вот, - сказал мальчик, - я возьму это и продам жене норвежского фермера, которая живет в доме наверху".

- Тогда кто же вы? - спросила Люси.

- Я лапландец. Мы живем на холмах, куда норвежцы не прогнали нас, и где северные олени находят траву летом и мох зимой".

- О! у вас есть олени? Я бы так хотела посмотреть на них и покататься на санях!

Мальчик, которого звали Петер, засмеялся и сказал: "Ты не можешь кататься на санях, кроме как зимой, когда впереди снег и лед, но я скоро покажу тебе северного оленя".

Затем он повел нас вперед, мимо восхитительно пахнущего, шепчущего соснового леса, окружавшего норвежскую усадьбу, мимо горного луга, где девочки пасли своих коров, совсем как подружки Люси в Тироле, затем на серую вересковую пустошь, где стояло странное скопление палаток, покрытых шкурами, и вокруг них бегали забавные маленькие, низенькие, коренастые люди.

Петер издал странный протяжный возглас, сунул руку в карман и вытащил комоч соли. Вскоре появилась пара длинных рогов, затем еще один, затем целое стадо оленей с большими головами и рогами, растущими значительно вперед. К ним подносили соль, а ко всем их рогам привязывали веревку, чтобы они могли спокойно стоять в шеренге, пока маленькие лапландки доили их. Петер подошел к одной из женщин и принес маленькую чашечку молока для своей гостьи; это было все, что давал один олень, но оно было таким густым, что почти напоминало питьевые сливки.

Он повел ее в одну из палаток, но там было очень дымно и ненамного чище, чем в палатке эскимосов. Удивительно, как Люси могла заснуть там, но она заснула, искренне желая оказаться где-нибудь в другом месте.

ГЛАВА VIII.

Китай.

Запах ли ароматизированного чая, подарка старого друга-моряка, который миссис Банкер убирала, или вид красного кувшина, украшенного черно-золотыми человечками в круглых шапочках, длинных нижних юбках и с косичками, заставил Люси открыть глаза на плетеном диване с подушками, украшенными фигурками из цветного шелка? Пол в комнате был из блестящего инкрустированного дерева; повсюду были красиво вытканые циновки; подставки из красного лака и сиденья из тростника и бамбука; и было круглое окно, через которое открывался вид на прекрасный сад, полный цветущих кустарников и деревьев, прозрачный пруд, выложенный посередине цветной черепицей, а над стеной виднелась позолоченная крыша пагоды, похожая на зонтик, только вся в гребнях и бороздках и с маленьким колокольчиком на каждой спице. За ними виднелись холмы красивой и фантастической формы, а внизу раскинулось озеро с прогулочными лодками. Все это было удивительно похоже на ожившую красивую фарфоровую вазу, и Люси поняла, что находится в Китае, еще до того, как в

комнату вошла, ковыляя на своих бедных, крошечных ножках, молодая леди с маленьким желтым личиком, маленькими глазками, скошенными вверх от приплюснутого носа, и черными волосами, туго зачесанными назад и украшенными цветами и безделушками. На ней было так много мантий, что край одной выглядывал из-под другой, а сверху - что-то вроде голубой туники из фарфорового крепа с очень широкими свободными рукавами, ниспадающими до самых рук. На талии не было складок, и оно доходило ей до колен, по которым волочился еще более великолепный белый шелк с вышивкой. В руке у нее был большой веер, но, увидев посетителя, она подошла к красивому низкому столику с оборкой из слоновой кости, на котором стояли изящные чайные чашки и блюдца. В один из них она положила маленький шарик чайных листьев величиной примерно с дубовое яблоко; горничная, одетая так же, как и она сама, налила на него горячей воды и подала на покрытом лаком подносе. Люси взяла его, сказала "Спасибо" и стала ждать.

"Разве это не вкусно?" - спросила маленькая хозяйка.

- Должно быть! Вы настоящие любители чая, - сказала Люси. - Но я ждала сахар и молоко.

- Это все испортило бы, - сказала китаянка. - Только варвары с внешнего мира могли додуматься до такого. И, ах! Я вижу, ты один из них! Смотри, Ки-хи, какие чудовищные ноги!"

- Они не больше, чем у вашей горничной, - с отвращением сказала Люси. - Почему ваши такие маленькие?

"Потому что моя мать и няня заботились обо мне, когда я была маленькой, и связывали их, чтобы они не выросли большими и уродливыми, как те бедняжки, которым приходится бегать за своими мужьями, кормить шелкопрядов и пасти уток!"

- Но разве тебе не хотелось бы идти, чуть не падая? - спросила Люси.

- Нет, конечно! Я дочь мандарина с голубой пуговицей! Ты просто варвар, если думаешь, что леди должна хотеть гулять. Разве ты не видишь, что я никогда ничего не делаю? Посмотри на мои прекрасные ногти".

- По-моему, это когти, - сказала Люси. - Ты их никогда не ломаешь?

- Нет; когда они немного подрастут, я надену для них серебряные щитки, как это делает моя мать.

- А ты действительно никогда не работаешь?

- Думаю, что нет, - сказала молодая леди, презрительно обмахиваясь веером. - Я оставляю это простым людям, которые обязаны. Пойдем со мной, позволь мне опереться на тебя, и я дам тебе заглянуть через решетку, чтобы ты увидел, что мой отец гораздо выше того, чтобы заставлять свою дочь работать. Смотрите, вот он сидит, со свисающими до подбородка усами, с косичками до пят, с вышитым на груди синим драконом, и наблюдает, как они готовят зал к грандиозному ужину. Будет рагу из щенка, еще одно - из котят, и суп из птичьих гнезд; а потом придут актеры и разыграют часть трагедии "девять ночей", а мы посмотрим через решетку. Ах! отец курит опиум, чтобы быть безмятежным и в хорошем расположении духа! У тебя от этого болит голова? Ах! это потому, что ты просто внешний варвар. Она спит, Ки-хи; положи ее на

диван и дай ей поспать. Какие у нее уродливые светлые волосы, почти такие же уродливые, как ее большие ноги!"

ГЛАВА IX.

KAMSCCHATKA.

Люси была разочарована тем, что ей не удалось прокатиться с северными оленями, и она рассказывала Дону, как полезны его родственники в других местах. И вот, она проснулась на широкой равнине, где, насколько хватало глаз, не было ничего, кроме снега. Несколько елей, стоявших вдалеке, были тяжело нагружены; а сама Люси, — где она была? Шла очень быстро? Да, она изо всех сил шлепала по снегу и куталась в плащи и меха, что действительно было необходимо, потому что ее дыхание замерзало на большом шарфе, повязанном вокруг шеи, так что, казалось, оно стало твердым, как каменная стена; а рядом с ней был маленький мальчик, закутанный так же плотно, в шапке или, скорее, капюшоне, закрывавшем всю его голову, с руками в меховых перчатках до локтей и в длинных меховых сапогах. В руке у него был огромный длинный хлыст, и он размахивал им, нанося удары — по чему? Они были на огромном расстоянии от него, но на самом деле это были очень большие собаки, несущиеся вперед, как ветер, и несущие с собой — что? Мечта Люси — сани, штуковина без колес, но очень быстро скользящая по твердому снегу; летящая, летящая почти так быстро, что у нее перехватывает дыхание, и оставляющая птиц, лисиц и любое существо, которое она увидит на мгновение, далеко позади. И — что было очень странно — у молодого возницы не было вожжей; он кричал на собак и время от времени бросал в них палкой, и они, казалось, вполне понимали и поворачивали, когда он хотел, чтобы они повернули. Люси недоумевала, откуда он или они знают дорогу, ведь все это казалось такой пустой тратой снега. Они ехали так быстро, что сначала она не могла вымолвить ни слова; затем она отважилась выдохнуть: "Ну, я ехала в экспрессе, но это превосходит все! Куда ты идешь?"

"В Петропавловский, поменять эти шкурки на кофе и рис, и еще раз на рис", - ответил мальчик.

- Что это за шкуры? - спросила Люси.

"Медведи" — большие бурые медведи, которых отец убил в пещере, — и волки, и маленькие горностаи и соболя, которых мы ловим. Мы получаем очень, очень много за белого горностаю и его черный хвост. Отец приедет на других санях с, о! такой большой кучей. Разве ты не слышишь, как лают его собаки? Мы еще выиграем гонку! Тьфу! ху! ху! хо-о-о-о!—Вперед! вперед! ленивые, вперед, я говорю! не позволяйте старым собакам ловить молодых!"

Щелк, щелк, щелкал кнут; собаки взвизгивали от нетерпения — они не лают, эти северные собаки; маленький Камчаткадейл выл все громче и громче и не заметил, как Люси скатилась следом и осталась посреди огромного сугроба, а он полетел дальше со своей ношей.

Вот собаки его отца догнали ее; а потом кто-то поднял ее. Нет, это был Дон! и тут миссис Банкер воскликнула: "Ну, разве это не мисс Люси, спящая на старой медвежьей шкуре Хозяина!"

ГЛАВА X.

ТУРОК.

- Какое красивое длинное ожерелье, миссис Банкер! Можно мне взять его для Лоникеры?

- Ты можешь поиграть с ним, пока будешь здесь, Мисси, если постарайшься не порвать веревочку, но он слишком любопытен, чтобы ты могла взять его домой и потерять. Это то, что они называют турецкими четками; они говорят, что они сделаны из розовых листьев, размельченных до состояния пасты и крепко спрессованных вместе, и что бедным дамам, запертым в гаремах, почти ничего не остается, кроме как пропускать их сквозь пальцы".

"У него очень приятный запах", - сказала Люси, рассматривая темно-коричневые бусины, свободно висевшие на нитке, и позволяя им падать одна за другой у нее из рук, пока, конечно, не случилось то, на что она надеялась: она проснулась на длинном низком диване посреди комнаты, сплошь покрытой коврами и подушками ярких цветов с великолепными узорами, которые не имели особого значения; и с окном с богатой медной решеткой.

А рядом с ней слышалось странное бульканье, которое навело ее на мысль о том, что мыльная пена взбивается в пену при подготовке к выдуванию мыльных пузырей; но когда она огляделась, то увидела нечто совсем не похожее на длинные трубки, которыми пользовался ее старший брат, или на таз с мыльной пеной. Там была стеклянная бутылка красивой формы, и в нее уходила очень длинная извивающаяся трубка, похожая на змею, свернувшуюся на полу, а на другом конце змеи вместо головы был янтарный мундштук, который проходил между парой губ. Люси поняла, что это "хаббл-баббл" или турецкая трубка, и увидела, что губы были на смуглом лице с большими черными глазами, вокруг которых были нарисованы темно-голубоватые круги. Иссиня-черные волосы были тщательно заплетены в драгоценную косу, а поверх них было наброшено что-то вроде пурпурной атласной накидки поверх белого шелкового расшитого жилета, подвязанного разноцветным поясом; также необъятные широкие белые брюки, из-под которых выглядывала пара коричневых босых ног, на которых, однако, была великолепная пара туфель, загнутых к носкам.

Хозяйка, казалось, была ненамного старше Люси и некоторое время серьезно смотрела на нее, затем хлопнула в ладоши. Подошла чернокожая женщина, и молодая турчанка сказала: "Принесите кофе для маленькой откровенной леди".

Итак, был принесен крошечный столик из перламутра, а на нем несколько изящных маленьких полосатых фарфоровых чашечек, стоящих не на блюдах, а в серебряных филигранных чашечках, в которые они точно вписывались. Люси вспомнила свой китайский опыт и не рискнула попросить молока или сахара, но обнаружила, что настоящий турецкий кофе настолько чистый и нежный, что она может пить без него.

"Где твои драгоценности?" затем спросила маленькая хозяйка.

- Я недостаточно взрослая, чтобы их иметь.

- Сколько тебе лет? - спросил я.

- Девять.

- Девять! Мне всего десять, и я выхожу замуж на следующей неделе...

- Женат! О нет, ты шутишь.

- Да, я так и сделаю. Селим-бей выплатил моему отцу приданое за мной, и на следующей неделе меня отвезут в его дом.

- И я полагаю, он тебе очень нравится.

"Он выглядит большим и рослым", - сказал ребенок с ликованием. "Я видел его верхом, когда ездил с мамой в Ласковые Воды. "Амина, — сказала она, - вот твой господин во франкском плаще и на белом коне".

- Ты с ним не разговаривала? - спросила Люси.

"Зачем мне это делать?" - спросила Амина.

- До того, как они поженились, тетя Бесси любила разговаривать только с дядей Фрэнком, - ответила Люси.

"Я буду говорить достаточно, когда женюсь", - ответил маленький турок. "Я заставлю его дать мне много сладостей, и повозку с двумя красивыми быками, и самого большого черного раба-нубийца на рынке, который отвезет меня в Сладкие Воды, в тонкой голубой вуали, со всеми моими драгоценностями. Отец говорит, что Селим бей даст мне все, и Откровенную гувернантку. Что такое гувернантка? Это что-нибудь вроде маленького золотого футлярчика, который у тебя на шее?

- Мой медальон с волосами мамы? О нет, нет, - сказала Люси, смеясь. - гувернантка - это леди, которая должна учить тебя.

- Я больше ничему не хочу учиться, - сказала Амина с отвращением. - Я скажу ему, что умею печь сладости и заворачивать розовые листья. Чему я должен учиться?"

"Разве вам не нравится читать и писать?"

"Преподавание предназначено только для мужчин", - ответила Амина. "Они должны читать Коран, но там все уродливые буквы; я не научусь читать".

- Ты не представляешь, как приятно читать рассказы о разных странах, - сказала Люси. - Ах! Жаль, что я не нахожусь в классной комнате, дома, и я бы показал тебе, как это приятно".

И Люси, казалось, исполнила свое желание совершенно неожиданно, потому что они с Аминой стояли в ее собственной классной комнате, но больше там никого не было. Первое, что сделала Амина, это закричала: "О, какие ужасные окна! даже мужчины могут заглядывать внутрь; заткни их. - Она закуталась в вуаль, и Люси смогла удовлетворить ее, только опустив все шторы, после чего отважилась немного осмотреться. "На чем тебе сидеть?" - спросила она с большим отвращением.

"Стулья и табуретки", - сказала Люси, смеясь и показывая их.

"Эти маленькие столики на четырех ножках! Как ты можешь на них сидеть?"

Люси села и показала ей. "Это не сидение", - сказала она и попыталась свернуться калачиком, скрестив ноги.

"Наша учительница всегда заставляет нас писать длинный урок грамматики, если видит, что мы сидим, скрестив ноги", - сказала Люси, весело смеясь над попытками Амины взобраться на табурет, с которого она чуть не упала.

- Ах, у меня никогда не будет гувернантки! - воскликнула Амина. - Я буду плакать, плакать и не дам Селим-бею покоя, пока он не пообещает оставить меня в покое. Что за ужасное место! Где ты можешь спать?"

- В постели, конечно, - ответила Люси.

- Я не вижу подушек, на которых можно было бы прилечь.

- Нет, у нас есть спальни и кровати там. Нам не следует раздеваться здесь.

"Для чего тебе раздеваться?"

- Спать, конечно.

"Какой ужас! Мы спим в одежде, где бы нам ни хотелось лечь. Мы никогда не раздеваемся, кроме как перед ванной. Ты ходишь в баню?"

"Я принимаю ванну каждое утро, когда встаю, в своей комнате".

"Мойся дома! Значит, ты никогда не видишь своих друзей? Мы встречаемся в ванне, разговариваем, играем и смеемся".

"Познакомьтесь с купанием! Нет, в самом деле! Мы встречаемся дома и на улице, - сказала Люси. - Мы с моей подругой Энни гуляем вместе.

"Гулять вместе! что, на улице? Шокирующе! Ты не можешь быть леди".

- Действительно, - сказала Люси, покраснев. - Мой папа джентльмен. И посмотрите, сколько у нас книг и как много нам нужно выучить! Французский, и музыка, и математика, и грамматика, и история, и география.

"Я не буду откровенничать! Нет, нет! Я не буду учиться", - сказала встревоженная Амина, услышав, как посыпался этот каталог.

- География - это очень хорошо, - сказала Люси. - Вот наши карты. Я покажу тебе, где ты живешь. Это Константинополь".

- Я живу в Стамбуле, - презрительно ответила Амина.

"Внизу маленькими буквами написано Стамбул — посмотри".

"Этот Стамбул! Девушка Фрэнк фальшива; Стамбул - большое, необъятное, красивое место, а не маленькое черное пятнышко. Я вижу это из-за своей решетки. Белые дома и мечети на солнце, и голубой Золотой Рог, по которому скользят маленькие суда".

Прежде чем Люси успела объяснить, дверь открылась, и один из ее братьев просунул голову. Амина сразу же начала кричать и кутаться в оконную занавеску. "Мужчина в гареме! О! о! о! У двери не было тапочек?" И ее крик разбудил Люси, которая снова оказалась у своего дяди Джо.

ГЛАВА XI.

Швейцария.

"Больше всего мне понравилась девушка с гор", - подумала Люси. "Интересно, попаду ли я когда-нибудь снова в горы?" В углу есть большая палка, которую дядя Джо называет своим альпенштоком. Пойду почитаю названия на ней. Это названия всех гор, где он его использовал".

Она прочла "Маунт Блан", "Маунт Сени", "Венгерн" и так далее; и, конечно, когда она читала и напевала их про себя, они погрузили ее в чудесные сны и на этот раз привели на луг, крутой и покатой, но полный цветов, прекраснейших цветов из всех видов, растущих среди высокой травы, которая колыхалась над ними. Свежий, прозрачный воздух был таким восхитительным, что она почти надеялась, что вернулась в свой дорогой Тироль; но холмы были уже не те. Она увидела на склоне множество коров, коз и овец, пасущихся точно так же, как в тирольских Альпах; но за ними виднелся темный ряд сосен, а вверху, так сказать, в небе, кругом возвышались огромные острые точки, похожие на облака своей белизной, но не своими прямыми, зубчатыми очертаниями. И тут и там глубокие серые расщелины между ними,

казалось, превращались в белые реки, или над красновато-фиолетовой поверхностью на полдороге проступали острые белые линии, устремляющиеся вниз.

Когда она села в траве и огляделась, ее напугал лай. Собака начала рычать, лаять и пританцовывать вокруг нее, так что она была бы очень напугана, если бы в следующее мгновение чей—то голос не остановил ее: "Фи, Блестящий, ложись; оставь маленькую девочку в покое. Он хороший, мадемуазель, не бойтесь. Он помогает мне пасти коров.

- Тогда кто же вы такой?

- Я Морис, маленький пастушок. Я живу со своей бабушкой и работаю на нее.

- Что, в содержании коров?

- Да, и посмотрите сюда!

"О, какой восхитительный маленький коттедж! В нем есть карнизы, и окна, и балконы, и дверь, и маленькие коровы, и овечки, и мужчины, и женщины, все из красивого белого дерева!" У тебя ничего не вышло, Морис?

- Да, действительно, я вырезал это своим ножом, полностью сам.

- Какой ты, должно быть, умный. И что ты будешь с этим делать?

- Я буду высматривать экипаж с дамами, едущий по этой длинной дороге; а потом я встану, сниму шляпу и покажу свой коттедж. Возможно, они купят его, и тогда у меня будет достаточно денег, чтобы купить бабушке теплое платье на зиму. Когда я подрасту, я буду гидом, как мой отец".

- Проводник?

- Да, чтобы вести путешественников на вершины гор. Нет такого места, куда вы, англичане, не пойдете. Чем труднее взобраться на гору, тем сильнее ты стремишься наверх. И, о, мне это тоже понравится! Там есть огромные ледники, широкие ледяные потоки, которые заполняют борозды гор, с расселинами, такими синими, красивыми и жестокими. Именно в одном из них погиб мой отец.

- Ах! тогда как ты можешь их любить? - спросила Люси.

"Потому что они такие величественные и красивые", - сказал Морис. "Ни в одном другом месте нет ничего подобного, и они заставляют сердце человека наполняться удивлением и радостью от Бога, который их создал".

Глаза Мориса заблестели, а Люси посмотрела на чистое, суровое величие горных вершин и почувствовала, что понимает его.

ГЛАВА XII.

КАЗАК.

Каперсы, каперсы; танцуй, танцуй. Какой это был чудесный танец, как будто малыш был сделан из пробки, так высоко он подпрыгнул в тот момент, когда коснулся земли; при этом он дергал руками и ногами, как будто их дергали за ниточки, как Марионетки, которые когда-то выступали перед окном. Только лицо его было само веселье и жизнь, и он действительно выглядел таким гордым и довольным показать, на что он способен; и все это происходило на чистом, свежем, открытом воздухе, все пространство было покрыто короткой зеленой травой, на которой паслись табуны маленьких поджарых лошадок и отары овец без хвостов, но с развевающейся сзади шерстью, образующей подобие *паники*. Вдалеке виднелась группа чистых, белоснежных домиков; и Люси поняла, что находится на великих равнинах, называемых Степями, которые лежат между реками Волгой и Доном.

- Вы там живете? - спросила она, чтобы завязать разговор.

- Да, мой отец - гетман Стантицы, и это мои каникулы. Большую часть года я хожу в школу в Черкаске.

- Черкаск! О, какое забавное имя!

"И ты бы подумал, что это забавный городок, если бы был там. Он построен на большом болоте на берегу реки Волги; все дома стоят на штабелях бревен, а весной улицы полны воды, и приходится плавать на лодках".

- О! это, должно быть, восхитительно.

"Мне это нравится не так сильно, как возвращаться домой и кататься верхом. Смотри!" и когда он свистнул, одна из лошадей с ржанием подбежала к мальчику и уткнулась носом ему в плечо.

"Хороший парень! Но твои лошади худые; они выглядят маленькими".

- Маленький? - воскликнул молодой казак. - А ты знаешь, на что способны наши маленькие лошадки? В Европе не так много армий, которые они не разгромили бы в то или иное время. Да ведь церковь в Черкаске со всех сторон увешана Цветами, которые мы отняли у наших врагов. Вот швед — разве Карлу XII не пришлось хуже всего, когда он пришел в своих больших сапогах за казакom? — Да, и турку, и австрийцу, и французу? Ах, разве мой дедушка не рассказывал, как он проехал на своей славной маленькой лошадке весь путь от Волги до Сены, и добрый царь Александр лично вручил ему медаль с надписью "Не нам, но Имени Твоему да будет хвала"? Наш отец-царь не такого низкого мнения о нас и наших лошадях, как вы, юная леди.

- Прошу прощения, - сказала Люси. - Я не знала, на что способны ваши лошади.

- О, ты этого не делал! Это хоть какое-то оправдание для тебя. Я тебе покажу.

И в одно мгновение он оказался на спине своей маленькой лошадки, пригнулся к ее шее и поскакал галопом по зеленой равнине, как ветер; но Люси показалось, что она только что смотрела, как он скрывается из виду с одной стороны, прежде чем он оказался рядом с ней с другой, развернувшись и поскакав галопом рядом с ней, пока она смотрела в другую сторону. "Пойдем со мной", - сказал он; и в одно мгновение она оказалась перед ним на шее маленькой лошадки и так бешено понеслась над степью, что у нее перехватило дыхание, и она потеряла сознание, пока снова не оказалась в безопасности у очага миссис Банкер.

ГЛАВА XIII.

ИСПАНИЯ.

"Предположим, теперь я снова лягу спать; что бы я хотел увидеть дальше? Я думаю, солнечное место, где есть море, на которое можно смотреть. Будет ли это Испания, и будет ли это среди бедных людей? Что ж, я думаю, мне следует быть там, где есть маленькая леди-девочка. Я надеюсь, что они не все такие ленивые и тщеславные, как китайцы и турки".

Итак, Люси проснулась в большой прохладной комнате с мраморным полом и тяжелыми шторами, но почти без мебели, за исключением одного стола и ряда стульев вдоль стены. В ней было два окна, одно выходило в сад, — какой сад! — апельсиновые деревья с блестящими листьями, зелеными и золотистыми плодами, белыми цветами, жасминами и огромными лилиями, стоявшими вокруг мраморной площадки. Посреди этого двора был бассейн из красного мрамора, где бил фонтан, издавая восхитительный плеск; а за ним сверкало на солнце самое красивое и восхитительное из синих морей — действительно, то самое синее море, которое Люси видела во время своего визита в Италию.

Это окно было пустым, но у другого, выходившего на улицу, на подоконнике были разложены подушки, за ним - ажурный каменный выступ и маленькие зеркала по обе стороны. Перегнувшись через подоконник, сидела маленькая девушка в белом платье, но с черной кружевной вуалью, прикрепленной розой к ее иссиня-черным волосам, и изящнейшими ножками, какие только можно вообразить, в белых атласных туфельках, которые были хорошо видны, когда она стояла коленями на подоконнике.

- На что ты смотришь? - спросила Люси, подходя к ней.

"Я наблюдаю за процессией. Потом я пойду в церковь с мамой. Смотри! Таким образом, мы увидим, как это произойдет; эти два зеркала отражают все, что происходит на улице вверх и вниз по ней".

- Ты одета для церкви? - спросила Люси. - На тебе нет шляпы.

"Откуда ваша светлость, что вы не знаете, что мантилья - это то, что нужно для церкви? Маму одевают в ее черный шелк и черную мантилью".

- А твои туфли? - спросил я.

- Я не могла носить большие, грубые, неподъемные башмаки, - сказала маленькая донья Инес. - Они испортили бы мне ноги. Ах! У меня будет время показать сеньорите, на что я способен. Ваша светлость умеет танцевать?

- Я танцевала с дядей Джо на нашей последней рождественской вечеринке, - сказала Люси с большим достоинством.

- Смотрите, - крикнул испанец, - станьте сюда. Ах, у вас нет кастаньет? И она быстро достала две очень маленькие раковинки или мисочки из слоновой кости, каждая пара которых была скреплена петелькой, через которую она продевала большой палец, чтобы маленькие ложечки лежали у нее на ладони, и она могла защелкивать их пальцами.

Затем она начала танцевать вокруг Люси самым грациозным плавательным движением, то поднимаясь, то опускаясь и время от времени щелкая кастаньетами. Люси попыталась сделать то же самое, но ее конечности казались конечностями деревянной куклы по сравнению с гибкостью и непринужденностью Инес. Она делала крутые повороты, где испанка парила так похоже на морскую птицу, что казалось, будто она летит или плывет, а не просто танцует, пока, наконец, само наблюдение за ней не вызвало у Люси сонливость и головокружение; и когда зазвонили церковные колокола и зазвучало пение процессии, она потеряла всякое ощущение того, что находится в солнечной Малаге, на родине винограда.

ГЛАВА XIV.

ГЕРМАНИЯ.

Стоял громкий шепот и гул заучиваемых уроков; ряды за рядами маленьких мальчиков сидели за партами, занимаясь; очень немногие подняли головы, когда Люси обнаружила, что ходит по классу — большой чистой комнате с картами, висящими на стенах, но в ней было жарко и чувствовалась усталость, потому что окна не были открыты и так мало свежего воздуха.

- Что ты задумал, малыш? - спросила она.

"Я учу свой глагол", - сказал он. - "монео, монес, моне".

Люси больше не ждала, а отошла к другому столу. - А ты что делаешь?

"Я пишу свой анализ".

Люси не знала, что такое анализ, поэтому пошла немного дальше. "Что ты здесь делаешь?" - робко спросила она, потому что это были мальчики немного постарше.

"Мы пишем эссе о собственной индивидуальности".

Этого было достаточно, чтобы отпугнуть любого, и Люси обратилась к каким-то совсем маленьким мальчикам с пухлыми розовыми лицами и светлыми волосами. - Ты тоже занят?

- О да, мы изучаем главные города Отечества.

Люси чувствовала себя маленьким мальчиком из басни, который не мог заставить поиграть с собой ни собаку, ни птицу, ни пчелу.

- Когда ты играешь? - спросила она.

"У нас часовой перерыв после обеда и еще один во время ужина, но потом мы готовимся к завтрашней работе", - сказал один из мальчиков, выглядя вполне довольным.

"Работай! работай! Ты всегда на работе? - воскликнула Люси. - Я занимаюсь только с девяти до двенадцати, а после обеда у меня есть полчаса на уроки.

"Ты девушка, - сказал мальчик с вежливым превосходством. - твои братья учатся больше часов".

- Больше; да, но не так много, как у тебя. Они играют с двенадцати до двух, а в субботу у них праздник.

"Итак, вы не трудолюбивы. Мы трудолюбивы. Вот причина, по которой мы все можем действовать сообща и думать сообща гораздо лучше, чем кто-либо другой; и мы все выступаем как единая непреодолимая сила, Объединенная Германия".

Люси, ахни! все это было так мудро.

- Могу я увидеть ваших сестер? - спросила она.

Младшие сестры, Гретченс и Катченс, учились почти так же усердно, как Германны и Фрицы, но старшим сестрам, по мнению Люси, это удавалось лучше. Одна из них помогала на кухне, а другая гладила; но потом у них были свои книги и своя музыка, а вечером все семьи выходили в увеселительные сады, и перед ними стояли маленькие столики с кофе, и мама вязала, и папы курили, и юные леди слушали оркестр. В целом, Люси считала, что она не возражала бы жить в Германии, если бы им не нужно было извлекать так много уроков.

ГЛАВА XV.

ПАРИЖ В ОСАДЕ.

- А дядя Джо во Франции, где сражались отцы и братья тех маленьких прусских мальчиков. Хотел бы я это увидеть.

В воздухе раздались раскаты грома и свист, а кроме того, резкий грохочущий звук; странный, влажный, нездоровый запах, смешанный с запахом пороха; и когда Люси подняла глаза, она обнаружила, что находится на несколько ступенек ниже в темном, унылом, похожем на свод помещении, однако облицованном камнем и открытым на улицу наверху. В углу горела маленькая лампа, повсюду валялись охапки соломы и обломки мебели, а на одной из охапок соломы сидела маленькая девочка с растрепанными волосами.

- А! Мадемуазель, доброе утро, - сказала она. - Вы пришли сюда, чтобы укрыться от снарядов? Батарея сейчас стреляет; я не думаю, что мама вернется домой, пока она немного не утихнет. Она ушла к моему брату, который слаб после ранений. Я хотел бы предложить вам что-нибудь, но у нас нет ничего, кроме воды, и в ней даже нет сахара".

- Вы живете в ней? - спросила Люси, с удивлением оглядывая унылое место.

- Не всегда. Раньше у нас был хорошенький домик над этим, но жестокие снаряды обрушились на нас и разлетелись на куски, разнеся все в щепки, и мы в безопасности от них только здесь, внизу. Ах, если бы я только могла показать тебе хорошенькую мамину комнату! Но теперь в полу зияет огромная дыра, весь потолок обвалился, а стол сломан.

- Но почему ты остаешься здесь?

- Мама и Эмили говорят, что это одно и то же. В нашем подвале мы в такой же безопасности, в какой могли бы быть где угодно, и нам придется платить в другом месте".

- Значит, вы не можете уехать из Парижа?

- О нет, пока пруссаки окружают нас со всех сторон и запирают. Все мои братья в Мобильной гвардии, и, как видите, моя куколка тоже. Теперь каждый должен быть солдатом. Мой дорогой Адольф, держи себя прямо". (И тут кукла, конечно, показала себя прекрасно вымуштрованной и дисциплинированной.) "Марш — правая нога вперед—левая нога вперед". Но в этом движении, как и следовало ожидать, маленькой Корали пришлось немало помочь ей набрать команду.

Люси была удивлена. - Так ты можешь играть даже в этом ужасном месте? - спросила она.

- О да! Что толку плакать и изводить себя? Я не возражаю, если они оставят мне моего котенка, мою дорогую маленькую Минетт.

- О! какой хорошенький длинношерстный котенок! Но какой маленький и худенький!

- Да, действительно, бедняжка Минетт! Жестокие люди съели ее мать, и молока нет—совсем нет молока, и моя бедная Минетт почти умирает с голоду, хотя я даю ей кусочки моего хлеба и суп; но хлеб состоит всего лишь из отрубей и опилок, и ей он нравится не больше, чем мне"

"Съела свою мать!"

- Да. Это была превосходная кипрская кошка, вся серая; но, увы! однажды она прогуливалась по улице, и они поймали ее, и тогда с ней действительно все было кончено. Я только надеюсь, что Минетт не выберется, но она такая худая, что они не найдут ничего, кроме костей и меха.

- Ах! как бы я хотел отвести вас с ней домой, к дяде Джо, и угостить вас обоих хорошим хлебом и молоком! Возьми меня за руку и закрой глаза, и мы пожелаем, и пожелаем очень сильно, и, возможно, ты поедешь туда со мной. Париж не так уж далеко".

ГЛАВА XVI.

АМЕРИКАНСКИЙ ГОСТЬ.

Нет, очень сильное желание не привело бедную маленькую француженку Корали домой к Люси; но произошло нечто почти столь же чудесное. Как раз в то время после полудня, когда Люси обычно отправлялась навстречу своей мечте посетить какое-нибудь чудесное место, раздался звонок во входную дверь; вполне реальный, ощутимый звонок, который совсем не походил ни на один из странных звуков странных миров, которые она слышала в последнее время, но был настоящим звоном колокольчика дяди Джо.

"Ну, - сказала миссис Банкер, - что это может быть, приходить в такое время суток? Это не может быть, чтобы доктор приходил домой без предписаний!" Не выбегайте на улицу, мисс Люси, сейчас сюда подует холодный воздух.

Люси стояла неподвижно, очень встревоженная и гадающая, увидит ли она что-нибудь живое или одного из своих посетителей из разных стран.

"Пришло письмо от мистера Симэна", - произнес бодрый молодой голос, который можно было бы назвать очень приятным, если бы он не звучал немного насмешливо; и мимо миссис Банкер на яркий свет вышел маленький мальчик, на год или два старше Люси, протянув ей одну руку, а другой снимая шляпу. - Доброе утро, - сказал он совершенно непринужденно. - Вы здесь живете?

- Доброе утро, - ответила Люси, хотя было еще совсем не утро. - Откуда вы родом?

- Ну, я последний раз из Парижа, но когда я дома, я в Бостоне. Я Леонидас Сондерс из великой Американской Республики".

"О, значит, ты все-таки ненастоящий?"

- Настоящий! Хотелось бы надеяться, что я был настоящим изделием.

"Ну, я надеялся, что ты настоящий, только ты говоришь, что приехал из чужой страны, как и все остальные, и все же ты выглядишь совсем как английский мальчик".

- Конечно, знаю! мой дедушка был родом из Англии, - сказал Леонидас. - Мы все говорим по-английски так же хорошо, если не лучше, чем вы на родине.

- Я не могу этого понять! - воскликнула Люси. - Ты приехал сюда, как другие люди, на поезде, а не как дети из моих снов?

И тогда Леонидас все ей рассказал: как его отец в прошлом году привез его в Европу и отдал в школу в Париже; но когда началась война и большинство незнакомых учеников были увезены, никаких распоряжений на его счет не поступало, потому что его отец был торговцем и находился вдали от дома, так что никто никогда не знал, дошли ли до него письма.

Итак, Леонидас продолжал учиться в школе, правда, без особых заданий, но не очень уютно: было очень холодно, и не было дров для костра; и ему не нравилось есть лошадей, кошек и крыс, ничуть не меньше, чем Корали, хотя он находился не в той части города, куда попадало так много снарядов из пушек.

Наконец, когда дядя Люси и несколько других добрых джентльменов с красным крестом на рукавах получили разрешение въехать в Париж и оказать помощь бедным, больным людям в больницах, люди, с которыми был Леонидас, сказали джентльмену, что в их доме остался маленький американец.

Мистер Симэн, так звали дядю Джо, пошел проведать его и выяснил, что тот когда-то знал его отца. Итак, после долгих хлопот мальчику было разрешено покинуть город. Он рассказал Люси, что его везли в карете, в которой было еще несколько американцев и англичан и повсюду были развешаны флаги со звездами и полосками или юнион Джексом; и всякий раз, когда они натыкались на французского часового, а затем на прусского, их останавливали, пока он не вызывал офицера, который просматривал их документы и отпускал их дальше.

Мистер Симэн взял на себя заботу о Леонидасе и накормил его лучшим обедом, который он ел за долгое время, но поскольку он собирался в другой город, в другие больницы, он не мог оставить мальчика при себе; поэтому он поручил его своему другу, который собирался в Лондон, отправить его к миссис Банкер.

Страх перед сыпью у Люси теперь почти прошел, и через день или два она должна была вернуться домой; так что детям разрешили побыть вместе, и им это очень понравилось. Люси рассказала о своих снах, и Леонидасу было что рассказать о том, что он действительно видел во время своих путешествий. Им очень хотелось, чтобы они оба увидели один из этих чудесных снов вместе, только — что это должно быть?

ГЛАВА XVII.

МЕЧТА ВСЕХ НАЦИЙ.

Каким это должно быть? Она подумала об арабах с их палатками и лошадьми, а Леонидас рассказал ей о краснокожих индейцах с их боевой раскраской и маленьких негритятах, танцующих вокруг сахарной печи, пока у нее не закружилась голова и не зазвенело в ушах; и все дети, которых она видела, казалось, окружили ее, взялись за руки и заплясали.

О, какой шум! Маленький горец в тартанах стоял на бочке посередине, оглушительно завывая на своей волынке; лысый китаец с длинной косичкой бил в гонг и скакал с серьезным лицом; норвежский пастушок дул в чудовищный коровий рожок из коры; индийский жонглер обвивал шею змеями под звуки тамтама; и Люси обнаружила, что они с Леонидасом кружатся, между ними молодой голландский плантатор, а по другую сторону от нее индианка в короне из перьев.

"О!" - казалось, она кричала про себя. "Что вы делаете? Как вы все сюда попали?"

"Мы из всех стран, которые являются друзьями, братья, - говорили голоса. - мы все приносим свои припасы: сахар, рис, хлопок с Запада; шелк, кофе и специи с Востока; чай из Китая; меха с Севера: все это передается от одного к другому, и это должно научить нас быть братьями, поскольку мы не можем процветать друг без друга".

"Все это приходит в нашу страну, потому что мы умеем обрабатывать его и отправлять для использования в ее собственных домах", - сказал горец. "Да, именно английские и шотландские машины ткут ваш хлопок и изготавливают ваши инструменты".

"Нет, это Америка победила вас всех", - воскликнул Леонидас. - "Что вам оставалось делать, кроме как сидеть и голодать, когда мы не присылали вам хлопка?"

"Если вы присылаете хлопок, то это мы его ткем", - воскликнул шотландец.

Люси почти испугалась, что они подерутся из-за того, какая страна самая великая и умелая. "Не может быть, чтобы купля-продажа заставляла народы любить друг друга и быть мирными", - подумала она. "Разве это учение и мудрость?"

"Но прусские мальчики прилежны и мудры, а французы умны и умелы, и все же у них была та ужасная война: интересно, что же такое сделало и сохранило дружбу всех этих стран?"

И тогда эхо вернулось к маленькой Люси: "Ибо из Сиона выйдет Закон, а из Иерусалима - слово Господне. И Он будет судить среди народов и обличит многие народы; и они перекуют мечи свои на орала, а копья свои - на серпы; народы не поднимут меча на народы, и они больше не будут воевать".

Да; чем больше они будут изучать и соблюдать закон Господень, тем меньше будет таких войн. Соблюдение истинного закона Господа принесет миру и единству больше пользы, чем все ухищрения в изучении книг или все искусные мануфактуры в мире.